

Д. А. Рыбаков

**СУДЕБНАЯ ЭПОПЕЯ ДЬЯКА ИВАНА ТИМОФЕЕВА:
КОРРУПЦИЯ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АППАРАТ
В НОВГОРОДЕ НАЧАЛА XVII В.**

Дьяк Иван Тимофеев – личность примечательная на литературном горизонте «бунташного» столетия. Как в общеобразовательной, так и в специальной литературе по истории России XVII в. он известен прежде всего как автор *Временника*, описывающего события второй половины XVI – начала XVII в. И не удивительно: ведь во *Временнике* мы впервые в российской «исторической прозе» сталкиваемся с теорией историописания и авторским самосознанием историка. Размышляя на тему Опричнины, Смуты и эпопеи Великого Новгорода в период шведской оккупации, дьяк неоднократно упоминает о себе не только как об очевидце, но и как о действующем субъекте истории, предлагая читателю отдельные рефлексии по поводу текущих событий. Однако мало кому известны внелитературные этапы биографии Ивана Тимофеева как государственного чиновника (дьяка) или носителя определенных политических симпатий. Причина заключается, с одной стороны, в отсутствии на сегодняшний день достаточно глубокого герменевтического анализа текста *Временника*, с другой – во фрагментарности документального материала о деятельности государственного аппарата в России за первую четверть XVII в. Едва ли не уникальный материал представляют документы новгородской администрации, вывезенные из Новгорода шведами в 1617 г. и сохранившиеся в Новгородском Оккупационном архиве в Стокгольме. Материалы этого архива раскрывают уникальные подробности гражданских и корпоративных отношений в Новгороде накануне и в период Смутного времени в России.

Не последнюю роль играют эти документы для выяснения исторического контекста *Временника*, а также интерпретации многих ключевых сюжетов памятника. Одним из таких сюжетов, вызывавших особый интерес у целого поколения исследователей, были характерные причитания автора по поводу гонений на него в оккупированном Новгороде, но не от *еллинов* (шведов), а от своих же сограждан – *своеверных*, опасаться которых стоило якобы еще более, нежели оккупантов. Описываемые ниже два судебных инцидента, кажется, напрямую указывают на тот социальный дискомфорт, который испытывал принципиальный государев

дьяк Иван Тимофеев в городе, где традиционно местная элита выступала чрезвычайно мощным фактором как гражданских, так и коммерческих отношений. Безусловно, следовало бы весьма осторожно называть определенные формы этих отношений «коррупцией». Примем это понятие как весьма условное. Постоянные попытки выбить дьяка Ивана Тимофеева из административной обоймы, пользуясь создавшимися историческими условиями, заставляют нас допустить подобную интерпретацию событий, главным действующим лицом которых оказался именно автор *Временника*.

На сегодняшний день известны два документа, которые проливают свет на проблему взаимоотношений дьяка с местной элитой в Новгороде. Это материалы судебных слушаний 1611 и 1615 гг. Все началось задолго до того, как «господин Великий Новгород» оказался в руках шведского маршала Делагарди; возможно, еще до событий Смуты, хотя в мотивах следствия официально фигурирует лишь случай, имевший место зимой 1608 г. Тогда дьяк Иван Тимофеев вместе с дьяком Головиным описывали по поручению кн. Скопина-Шуйского имущество бывшего Новгородского воеводы Михайла Татищева, «линчованого» горожанами по подозрению в крамоле.

Татищев – фигура довольно заметная на политическом горизонте последних трех царствований. Инициатор шумной избирательной кампании по воцарению Бориса Годунова в 1598 г., он оказался «на передовой» и во время низложения Лжедмитрия I, и в хаосе майского погрома 1606 г. повторно реализовал свой PR-опыт, организовав на своем подворье наречение на царство Василия Шуйского в 1606 г. Кстати, последняя информация находится именно во *Временнике*.¹ Будучи на тот момент одним из богатейших представителей московской элиты, Татищев тем не менее не снискал доверия у своего вчерашнего протеже и вскоре был отправлен в почетную ссылку на воеводство в Новгород.² Очевидно, не смирившись с подобным «разжалованием», воевода погряз в политических интригах и зимой 1608 г. был во всеуслышание обвинен кн. Скопиным в измене и выдан новгородцам, как говорится, *головой*. Новгородцы, панически боявшиеся всяческих подозрений в крамоле, собственноручно разделались с воеводой.³

Несмотря на своеобразное проявление «демократии», обошлось без мародерства. *Опальные животы*, т. е. имущество воеводы, были тотчас описаны дьяками и выставлены на аукцион с целью компенсации убытков, понесенных государевой казной «по причине» измены. Однако спустя три года опалу пришлось пережить и самому дьяку Ивану Тимо-

¹ ОР РГБ. Ф. 178. № 10692. Л. 193, 196 об. (далее – *Временник*). Тут и далее текст «Временника Ивана Тимофеева» цитируется по единственному рукописному оригиналу из Музейного собрания РГБ.

² О материальном ресурсе М. Татищева см.: *Hellie, Richard*. 1) *Great Wealth in Muscovy: The Case of V. V. Golitsyn and Prices of the 1600–1725 period* // *Harvard Ukrainian Studies*. Camb., Mass., 1995. Vol. 19. P. 226–270; 2) *The Economy and Material Culture of Russia. 1600–1725*. Chicago, 1999. P. 571–627.

³ *Временник*. Л. 198 об.–199 об. По иной версии, Татищев был утоплен. См.: *Новый летописец*. § 181.

фееву – одному из составителей описи. А началось все с того, что в 1611 г. новгородский гость Степан Иголкин обвинил дьяка в сокрытии ценных икон Спаса и Николы: *и в тех де опальныхъ животех, – констатировал истец, – было божие милосердые образы, образ Спасов да образ Николы чудотворца, обложены золотом. Да у тех же де образов было много прикладу, золотых, и украшены жемчюги и камением дорогим, а у Николы де чудотворца киот серебрян, а на затворех у киота резаны чудеса святого Николы. Согласно иску, Иван Тимофеев тех образов (экспертам) смотреть не давал неведомо для чево.*⁴

Особого внимания заслуживает личность истца – влиятельного новгородского гостя Степана Иголкина. Тремя годами ранее он был непосредственно задействованный у опальных животов у Михайловых Татищева з дьяком с Ываном Тимофеевым у переписки и у оценки: *а камень, и жемчуг, и золотые, и платье, и всякую рухлядь лутчую, и середнюю, и обыкновеную ценили ноугородицкие гости и торговые лутчие люди: Степан да Иван Иголкины <...> с товарищи, а деньги за всю рухлядь збирал по росписи и печатал гость Степан Иголкин.*⁵

В судебных заседаниях председательствовал воевода кн. Иван Михайлович Одоевский, следственную работу выполняли дьяки Корнило Иевлев и Семейка Самсонов. На результаты суда, очевидно, не в последнюю очередь повлияло субъективное отношение представителей власти к обвиняемому. Так, если воевода Одоевский явно не спешил подписывать приговор дьяку, то коллеги Тимофеева по приказному аппарату, как известно по его собственному заявлению, *ему были недрузи.*⁶

И перед боярином и воеводою и перед дьяки дьяк Иван Тимофеев ставлень и про те образы допрашиван: где ныне те образы, образ Спасов и Николы чудотворца, и для чево те образы в книгах не написаны. В свое оправдание дьяк заявлял: а как де поехал из Великого Новгородода боярин князь Михайло Васильевич Шуиской, и приказал де те образы дати софейскому протопопу Амосу по его челобитью потому, <...> что Михайло Татищев был ему сын духовной <...> и те де образы по боярскому приказу отданы протопопу Амосу. И так, к делу был подключен еще один свидетель, появление которого в суде имело фатальные последствия как для него самого, так и нашего дьяка-историка. Дело в том, что протопоп изначально занял крайне невыгодную позицию, явно вводя суд в заблуждение. Дескать, писал к нему з дороги боярин князь Михайло Васильевич, а велел ему те образы прислати к себе, и он де те об-

⁴ Тут и далее текст судебного слушания 1611 г. цитируется по оригиналу: Riksarkivet (Национальный архив в Стокгольме). Ockupationsarkivet fren Novgorod 1611–17 (ф. Новгородской приказной избы), S. II (столбцы), № 202. Документ также был опубликован с купюрами Л. В. Черепниним: *Черепнин Л. В.* Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве – авторе «Временника» // Исторический архив. М., 1960. № 4. С. 162–177. Выражаю искреннюю признательность А. А. Турилову (Институт славяноведения РАН) за возможность ознакомиться с факсимильной копией архивного оригинала.

⁵ Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиении народом обвиненного в измене Михайлы Татищева во 116 г. // Временник ОИДР. М., 1850. Кн. 8. Сместь. С. 32.

⁶ *Черепнин Л. В.* Новые материалы... С. 174.

разы послал к боярину ко князю Михайлу Васильевичу Шуйскому, да и письмо де у него в тех образех есть.

Не стоило долго ждать, чтобы подобные скаски проверили по письму самого Скопина-Шуйского. *И в той грамоте про те образы не объявилось ничево, а написано в грамоте о ружляди. И толко б те образы были посланы к боярину ко князю Михайлу Васильевичю, – тут следует весьма существенное замечание, – и о тех образех отписано было имянно, потому что то вещи царственые, а не простое дело и не ружлядь.* После того, как Амос вновь подтвердил в суде, что иконы были отправлены «по назначению», в приказе решили создать «межведомственную» следственную комиссию из подьячих, торговых людей и представителей посада, которым велели *итти на двор к протопопу Амосу и <...> во всех хоромах тех образов переискати.* Во время обыска искомое было обретено – образ Спасов, обложен серебром чеканным, да Николы чудотворца, образ обложен золотом, а сказали, что они те образы взяли у протопопа Амоса во дворе в горнице. В конце концов протопоп был вынужден повиниться, что он в тех образех заперался сперва, про те образы не сказал правды, а не сказал деи потому, что хотел те образы вести к Москве ко государю, ково нам государя Бог даст. Последний аргумент, кажется, проливает свет на причину наивных отговорок татищевского душеприказчика. Если иконы были действительно *вещи царственые*, предназначавшиеся государю – *ково нам государя Бог даст*, то действия протопопа могут быть оправданы в интересах обетного происхождения святыни. Исполнительные приказные могли бы отправить иконы в столицу к «царю», призрак которого в 1611 г. лишь витал над разграбленным и опустошенным царствующим градом. Даже если дело не в харизматическом значении образов, протопоп мог просто действовать в интересах сохранения драгоценного иконного убранства, ведь в Москве в то время подобные оклады и *прикады*, как известно, отдавались на немцы в заслуженное месячное.⁷

Каковы бы ни были мотивы сокрытия икон и весьма опрометчивой позиции Амоса на суде, в конечном итоге оправдаться не удалось не только ему, но и Ивану Тимофееву. В частности, последнему инкриминировалось недостаточное соблюдение служебных формальностей: *дескать, подлинно тех образов в росписи не описал, чем те образы обложены, и что у них прикладу, какова каменя и золотых, и жемчюгу, а написал в росписи, что те образы подлинно описаны в подлинных книгах и в списке, которые книги и списки взял с собою <...>, поедуци из Новгорода, боярин князь Михайло Васильевичь, а тех книг и подлинных росписей в Новгороде нет и сыскати про то нечим.* В идеальной ситуации стоило бы послать за этими росписями в Александрову слободу, где был в последний раз разбит лагерь Шуйского (перед его кончиной), а стало быть, обретался и личный архив воеводы. Однако в ситуации апогея гражданской войны и интервенции подобный «архивный запрос» сделать было невозможно, и судьи удовлетворились равнодушным пояснением: *мол, тех книг и подлинных росписей в Новгороде нет*

⁷ См.: РИБ. СПб., 1875. Т. 2. № 95. Стб. 245–248.

и сыскати про то нечим. Вероятно, именно в этом и проявлялась тенденциозность судей, о которой спустя четыре года упоминал дьяк Тимофеев: *о тех образех роспрос был при диакех при Коршле Иевлеве да при Семейке Самсонове, а оне ему были недрузи.*⁸

Таким образом, приговор был вынесен на основании лишь недостаточного соблюдения дьяком правил делопроизводства: *подлинно тех образов в росписи не описал, чем те образы обложены, и что у них прикладу, какова каменя и золотых, и жемчюгу.* В результате суд постановил: *на дьяке Иване Тимофееве да на протопопе Амосе доправити пени против тех образов цены по сту по семидесят по три рубли и по двадцати по пяти алтын.* Сумма по тем временам, надо сказать, довольно внушительная. Вряд ли государев дьяк, наивысшее жалование которого на вершине его карьеры (с 1621 г.) не превышало 100 руб. годового оклада, имел реальную возможность заплатить этот штраф.⁹ За неуплату дьяку грозила унижительная для его гражданского и профессионального достоинства процедура правежа.

Строгость приговора при отсутствии «отягощающих обстоятельств» является четким маркером того, что дело касалось не одних лишь икон и корнями уходило в события, связанные не только с татищевской рухлядью. На такое предположение наталкивает и некая надуманность обвинения, и явное игнорирование документальных фактов, обеспечивающих алиби дьяка – ведь в описи, составленной Тимофеевым, иконы все же указаны. Однако фигурируют они там как *вещи царственные*, не подлежащие публичной распродаже: *и он, Иван, гостю Степану Иголкину и торговым людем тех образов не показывал, а сказал, что тех образы смотрити не надобно, те де образы царственные вещи, и показать де их не уметь.* Тем паче, что на аукцион выставялось лишь *рукохищное собрание суетнаго обогащения* крамольника Татищева, как выразился Тимофеев в своем Временнике,¹⁰ а не принадлежащие царской ризнице иконы. Именно таким статусом и объясняется то, что иконы не были внесены в основной список *опальной рухляди*, а вписаны уже после подведения суммарной ценности всего проданного имущества как нечто особенное. Причем *список того же имени, оставшагоса за продажею*, вместе с указанными иконами заверял даже не Тимофеев, а дьяк Иван Ефанов, а правил дьяк Евдокимка Нефедьев, чья скрепа присутствует на обороте столбцов. Миссия Тимофеева исчерпывалась визированием лишь распроданной рухляди, в которую иконы, естественно, не входили. Обвинители не могли не учесть этой нестыковки и предусмотрительно добавили: *и то знатно, что диакъ Иван Тимофеев то зделал по зговору с протопопом Амосом и по совету, хотел с ним теми образы завладети за одно.*

Складывается картина, что Тимофеева явно стремились «устранить» или по крайней мере дискредитировать. В этой связи выступление в качестве истца вельможного новгородского гостя Иголкина представляет

⁸ Черепнин Л. В. Новые материалы... С. 174.

⁹ Боярская книга 1627 г. М., 1986. С. 114.

¹⁰ Временник. Л. 199 об.

ся отнюдь не случайным. По данным, выявленным В. И. Корецким в фондах Новгородской приказной избы, дьяк И. Тимофеев еще в конце XVI в. интересовался махинациями гостя С. Иголкина на посту новгородского таможенного головы. В частности, коллеги по торговой корпорации заявляли о действиях главного новгородского «мытаря» следующее: *да тот же <...> Степан Иголкин, седячи в таможенной избе, торгует всякою мяхкою рухлядью. И как <...> придет гость с товаром, и он товар держит день и другой в таможенной избе, соболи и рыси, и бобры, и всякой мяхой товар, для своей корысти. И как <...> тот товар у гостя купят, и он емлет прибыль седячи, кому тот товар достанетца. И в том, государь, шлемся на бобровный ряд на весь и на скорнячной и на всех торговых людей, которые мяхкою рухлядью торгуют.*¹¹ Не исключено, что дьяк Иван Тимофеев мешал подобным коррумпированным чиновникам на местах, по крайней мере имел на них компромат. Те же, в свою очередь, стремились при случае избавиться от «неразборчивого» ревизора или подмочить его профессиональную репутацию всякими судебными исками, в том числе и явно наветными.

Но что заставило Иголкина лишь в 1611 г. вспомнить о деле трехлетней давности? К примеру, Л. В. Черепнин объяснял действия тимофеевских неприятелей политической борьбой в Новгороде вокруг проекта выдвижения на Московский стол *свейского* королевича. В своем *Временнике* Тимофеев действительно негативно отзывался о водворении в России чужеродной династии, тогда как гость Иголкин принимал участие в новгородском посольстве конца 1611 г. в Стокгольм для переговоров о коронации на престоле *Новгородского государства* шведского инфанта.¹² К такому же мнению склонялся и В. И. Корецкий, сравнивая жалобы новгородских купцов на Иголкина с его последующим коллаборационизмом при шведском оккупационном режиме. Осмелимся решительно не согласиться с такой интерпретацией. Во-первых, рассмотренный судебный инцидент имел место за несколько месяцев до штурма Новгорода. Лишь после того, как 17 июля 1611 г. город сдался шведскому маршалу Якову Делагарди, вопрос о шведском претенденте (скорее всего, по личной инициативе Делагарди) был возбужден как ключевой во взаимоотношениях между новгородцами и оккупационной администрацией. Кроме того, нам ровным счетом ничего не известно о содержании политических дебатов в Новгороде накануне оккупации.

На наш взгляд, вряд ли разумно смешивать злоупотребление служебным положением со стороны Иголкина на посту начальника таможи с элементарным стремлением оградить свои экономические интересы при новом режиме. Скорее всего, дело тут не в политической актуальности, и не в амнезии. Время подачи иска, бесспорно, было выбрано не случайно и учитывало максимальную уязвимость Тимофеева как государственного служащего. После своего отстранения от приказных дел

¹¹ *Корецкий В. И.* Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве, историке и публицисте XVII в. // АЕ за 1974 г. М., 1975. С. 153. См. также: *Варенцов В. А.* Привилегированное купечество Новгорода XVI–XVII вв. Вологда, 1989. С. 44–45.

¹² *Временник*. Л. 274; ДАИ. СПб., 1846. Т. 1. № 162, С. 283; *Замятин Г. А.* К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611–1616 гг.). Юрьев, 1913. С. 21–23.

в Новгороде в начале 1610 г. дьяк по неизвестным на сегодня причинам не вернулся в столицу, как то предусматривала процедура служебного перевода, а оставался в Новгороде, вероятно, на правах отставного чиновника. Однако даже тогда расправиться с ним было не так-то просто по причине высокого покровительства в придворных кругах. Как неоднократно предполагали исследователи, Тимофеев пользовался доверием новгородского воеводы кн. М. В. Скопина-Шуйского и его ближайшего сподвижника кн. И. М. Воротынского. Соответственно, положение Тимофеева могло пошатнуться после смерти кн. М. Скопина в апреле 1610 г., а также в условиях реальной беспомощности правительства *седмочисленных бояр*, в которое входил кн. И. Воротынский (вторая половина 1610 г.).

Впрочем, у дьяка оставались покровители и в самом Новгороде. Так, несмотря на то, что в протоколе следствия указано: *по приговору боярина и воеводы и диаков велено на протопопе Амосе и на Иване Тимофеев пенные денги правити и на поруку дати, что им ставитца на правезж*, однако приговор и *память* не были скреплены государевой печатью и дьячими приписями.¹³ Стало быть, дело не достигло стадии пенитенциарного взыскания – собственно, правезжа. Когда спустя четыре года в пылу судебного состязания всплыли старые обвинения, тот же кн. И. Одоевский засвидетельствовал, что *как те образы у протопопа сыскали, и он де, князь Иван Никитич, тот приговор и подрал, потому что он, князь Иван Никитич, был о тех образех челобитчик*.¹⁴

Что же в таком случае двигало новгородским воеводою и председателем суда кн. Одоевским, явно стремившимся уберечь дьяка от унижительной расправы? Аналогичную позицию, как увидим далее, он занял и в деле 1615 г., во время очередной попытки дискредитации дьяка. Вероятно, у князей Скопина, Воротынского и Одоевского было много общего, что делало и дьяка Тимофеева человеком их политического круга. Источники середины XVII в. указывают на кн. И. Воротынского как на известного ценителя историографического наследия И. Тимофеева. По свидетельству дьяка Записного приказа Тимофея Кудрявцева, *жаловал де его (Тимофеева) за то боярин кн(я)зь Иван Михайлович Воротынской*.¹⁵ За что именно жаловал, догадаться не сложно. Во Временнике немало лестных строк посвящено кн. Михайлу Воротынскому – отцу Ивана Воротынского, бывшему наравне с Никитой Одоевским – отцом действующего новгородского воеводы Ивана Одоевского – главным героем выдающейся молодинской баталии 1572 г. Объединяла сыновей не только героическая, но и трагическая судьба их родителей. Оба стратега – и Воротынский, и Одоевский старшие, едва успев пожать лавры победы, стали жертвами подозрений Грозного царя и скончались в тяжких

¹³ Этот текст подклеен в 1615 г. как выписка из приговора 1611 г. (в публикации Л. В. Черепнина отсутствует). Вероятно, его содержание и представляло неутвержденную память. См также: Черепнин Л. В. Новые материалы... С. 167, 175.

¹⁴ Там же. С. 175.

¹⁵ Белокуров С. А. Из духовной жизни московского общества XVII в. О Записном приказе. М., 1903. С. 62–63.

муках, а семьи оказались в опале.¹⁶ Исторические взгляды Тимофеева в отношении как Грозного, так и Шуйского, принимавшие характер филиппики, звучали в унисон родовым обидам Воротынского и Одоевского. Отнюдь не случайно, что рукопись Временника после смерти автора (1631) попала в личный архив князей Воротынских и вплоть до середины XVII в. сохранялась практически в единственном экземпляре (как «сертификат» родовой чести). Таким образом, дело даже не в том, что Воротынские и Одоевские в принципе происходили из княжат Черниговских (что, впрочем не раз приводило к местническим конфликтам), а в том, что у обоих отпрысков была общая «историческая» обида, апологом которой выступал дьяк-историк Иван Тимофеев. Во всяком случае, принадлежность Ивана Тимофеева «партии» кн. Воротынского, на что определенно указывал В. И. Корецкий, делала его не сторонней личностью и для новгородского воеводы кн. Большого Одоевского, протезирование которого дважды спасло дьяка от явного бесчестия.

* * *

После 16 июля 1611 г. в жизни Новгорода и новгородцев настал новый этап, ознаменованный шестилетней оккупацией войском шведского маршала Якоба Делагарди. Разошлись пути и героев (вернее, жертв) предыдущего сюжета. Протопоп Амос погиб во время штурма города — запершись на своем дворе, он с дворовою челядью героически сдерживал натиск шведов. Тимофеев же оказался «невъездным» и вынужден был разделить тяготы оккупации вместе с дочерью в Новгороде. Первому посмертно было отпущено церковное прещение, второму возвращено место в новгородской приказной избе. Прежнее влияние удалось сохранить и гостю С. Иголкину, равно как и старую обиду на Тимофеева, стоившую последнему очередных судебных неприятностей. Л. В. Черепнин и за этим инцидентом 1615 г. усматривал политический контекст, замешанный опять-таки на русско-шведском противостоянии. Однако то, что оба конфликта замешаны на интригах все того же новгородского гостя Степана Иголкина, заставляет взглянуть на такую интерпретацию критически.

В общих чертах, дело 1615 г. представляется еще более сфабрикованным, нежели процесс об иконах 1611 г. Инициатором судебной *волокуты* выступил на этот раз коллега Тимофеева по приказной корпорации Дворцовый дьяк Пятой Григорьев. Он обвинил Тимофеева в расхищении государственной казны на сумму 8 руб. Впрочем, когда этого оказалось недостаточно, чтобы «упрятать» дьяка, к обвинению было добавлено и сокрытие налогов на сумму *тысячи с полтретьи рублей*.

Итак, *по боярскому по Яковлеву Пунтусовичя Делегарда приказу* в 1613 г. Ивану Тимофееву было поручено провести ревизию в Дворцовом приказе: *коробьи, и яцики, и ларцы, и сундуки с книгами и со всяки-*

¹⁶ Веселовский С. Б. Синодик опальных царя Ивана как исторический источник // Проблемы источниковедения. М., 1940. Вып. 3. С. 273–274, 319.

ми дела и з денгами запечатать и тово Дворцо[во]го приказу подьячих во всякой государеве казне счести. Ассистентом Тимофеев взял подьячего Никифора Коптева и коробью его со всеми делами и з денгами взял с ним к себе ж.¹⁷ Аудит продолжался около года, приблизительно до сентября 1614 г., после чего, со слов истца, Тимофеев *тово подьячего Микифора Коптева отпустил в деревню <...> и в той ево деревне Микифора Коптева взяли псковские шиши** и свели во Псков. Заслуженный отпуск после года кропотливой бухгалтерской работы – явление вполне объяснимое. Ситуация с шишами также типична для эпохи Смуты. На Северо-Западе в то время действительно орудовали сторонники очередного самозванца – псковского вора Петрушки. Однако сам Тимофеев отрицал то, что отпускал подьячего в село: *а он де, Иван, его, Микифора, в деревню не отпущал, а хто отпущал, того де он не ведает*. Отнюдь, дьяк узнал про отъезд Коптева лишь тогда, когда *взяли его, Микифора, в деревне шиши*.

Спонтанное исчезновение бухгалтера абсолютно логично вызвало подозрения, и Пятунка Григорьев *приказал подьячему Ивану Кононову сверить подсчеты Микифора по его руке во 122-м году в приходе и в расходе счесть*. Как утверждал истец, альтернативная ревизия выявила недостачу 8 руб. за бочешную рыбу *<...>*, а *тех восьми рублей в расходных книгах нигде не написано*. На этом основании Пятунка и сделал вывод про злонамеренность дьяка Тимофеева и необходимость призвать его к уголовной ответственности за растрату. Согласно челобитной Пятого, недоучтенные деньги должны были на нем самом *доправить*. Таким образом, поведение истца, казалось бы, изначально преследовало цель самому избежать наказания. Но не все так просто...

С формальной стороны, к обвинительной речи Пятого трудно придраться. Тимофеевым действительно не был соблюден ряд процедурных правил. Так, доверяя подьячему Никифору Коптеву *для береженья* налоги его сбора в размере 33 рубля 2 алтын *без деньги*, он взял с него расписку *на дву лоскутках*, как он потом оправдывался – *спроста*, не проверив даже наличия даты выдачи денег: *а про то, что письмо написано на дву бумагах* (выше: *лоскутках*), *Иван сказал, на чем де он, Микифор, написал письмо, на том де он и взял*. Кстати, на таких же самых «лоскутках» долгое время сохранялся у Тимофеева и автограф Временника: *не составне вкупе <...> яко новоскроена некая риза, купно же не сошвена*. Правда, связано это было с объективными сложностями – *плешожителнаго ради во граде обдержания <...> и харатейных от изурения в затворе скудости*.¹⁸ Впрочем, такое бедственное положение историк испытывал лишь тогда, когда оказался «безработным» и бедствовал в опустошенном Новгороде под занавес шведской оккупации. Вряд ли подобная «напряженка» с бумагой имела место в Дворцовом приказе.

* Шиши – разбойники, в ином фрагменте: *воровские казаки*.

¹⁷ Черепнин Л. В. Новые материалы... С. 168–177. Далее текст дела 1615 г. приводится по этой публикации.

¹⁸ Временник. Л. 218 об.

Тимофееву, судя по всему, явно недоставало профессиональной пунктуальности. Как справедливо заметил истец, *а то письмо (расписка) писано не отписью, и году и месяца и числа, и того, что взял те денги Микифор у Ивана, ничего не написано. А толко б де он Иван у Микифора то письмо взял в денег место, и то б письмо писано не тем обычаем и не на дву лоскутках*. Тем более, что в иных случаях, также упомянутых Григорьевым, Тимофеев требовал расписок в стандартной форме: *а у подьячего у Ивана Кононова диак Иван Тимофеев в денгах его збору, что отдал из-за печати, письмо взял его Ивана Кононова рукою, а писать дал на десном листу, а не на лоскутках*.

Однако помимо факта нарушения Тимофеевым процедурных норм в деле неожиданно всплыли иные нюансы, бросающие подозрение на самого Григорьева. Как оказалось, в поисках отмеченных в доходах, но отсутствующих в расходах и по факту денег, Пятой собственноручно распечатал тимофеевскую *коробью*, сорвавши печать дьяка Тимофеева в его отсутствие, и лишь после того сообщил ему о недостатке. Однако следствию о том, *что ходил в коробью сто двадцать первого году за его (Тимофеева) печатью без него, без Ивана, Пятой бояром Эверт Карлусовичю* да князю Ивану Никитичю не сказывал <...>*; *а печать де у той коробье была его, Иванова (Тимофеева), а ту де печать сняли в Дворце*. На этот раз Тимофеев вовремя сориентировался и, четко придерживаясь служебного регламента, *диаку Пятому Григорьеву велел учинить записку, что в ту коробью ходил он – Пятой*. Вследствие открывшихся фактов, Пятунка был вынужден предъявить суду упомянутую записку, подписанную им и *Ивашком Кононовым*. Таким образом, суду оставалось лишь в очередной раз допросить в качестве свидетеля подьячего Ивана Кононова *да сторожа Дворцового приказу, которой коробью носил*.

Следствие явно оказалось перед фактом невозможности подтвердить выдвинутые обвинения. Главный свидетель – подьячий Никифор Коптев – исчез, попавши в руки воровских казаков, а истец – дьяк Пятой Григорьев – как оказалось, без свидетелей распечатал «сейф» и потому сам подпадал под обвинение в казнокрадстве, тогда как Тимофееву можно было инкриминировать лишь недостаточную требовательность к подотчетной документации.

Но тут в дело был пущен традиционный для судебного состязания демагогический резерв. Истец просто решил пойти ва-банк, подав судьям абсолютно безосновательное, но крайне эмоциональное письмо с расчетом на явную дискредитацию обвиняемого в глазах судебных заседателей: *а в писме его пишет: да тот же ведомый вор (!) Иван Тимофеев украл с отцом своим духовным с протопопом Омосом из опальной Михайловой рухляди божья милосердя Спасов образ да образ другой великого чудотворца Николы, обложены золотом с прикладными золотыми, и те у них образы сысканы, и тому записка из дела в Розряде. А велено на нем за то воровство двесте рублей доправить (на самом деле 173 руб.) да те денги на него и по ся места не доправлены. Да и мно-*

* Эверт Горн – шведский комсндант Новгорода, сменил на этом посту Якова Делгарди в 1614 г.

гое его *Иванова воровство в государеве собалиной казне и в опальных рухлядах и в государевых казенных денгах с подьячим со Жданом Медведевым вместе корыстовались и государевы денги меж себя делили, а денег у них меж ими изгибло государевых тысячи с полтрети. То он на себя не объявил, и те денги закрыл. Таку память сам подал диак Пятой Григорьев.* Таким образом, Григорьев привел в качестве аргумента и давно закрытое дело с целью убедить суд в том, что Тимофеев-таки «ведомый вор», действия которого носят характер рецидива. Подобные приемы относились к традиционным судебным стратегиям, применявшимся по всей Европе. Задачей таких заявлений было не столько выиграть судебный процесс, сколько оказать моральное давление на противоположную сторону, нанеся ей явное бесчестие. В большинстве случаев, как показала Ненси Колманн, удавалось по крайней мере подорвать публичную репутацию оппонента. Нередко именно с этой коварной целью и затевались громкие, продолжительные, но по сути «безрезультатные» судебные процессы.¹⁹

Фиктивность предпринятого Григорьевым обвинения была сразу же обличена судебными заседателями, заметившими, что в челобитной истца не указано, как и *которыми обычаями диак Иван Тимофеев с протопопом те образы украли, и в соболиной казне и в опальных рухлядах какое его воровство, и которым обычаем у диака у Ивана Тимофеева с подьячим со Жданом Медведевым с полтрети тысячи рублей изгибло.* После такого челобитья истцу сразу же устроили очную ставку с обвиняемым, на которой он практически отказался от представленных обвинений: *и диак Пятой Григорьев против своего писма з диаком с Ываном Тимофеевым очи на очи про все статьи в роспросе порознь сказал; диака де Ивана Тимофеева он в писме своем воров написал потому, что его Иван воров называл не по делу, а и потому, что был де он, Пятой, у гостя у Степана Иголкина на подворье, как он, Степан, поехал в Свею, и слышал он, Пятой, у гостя, у Степана у Иголкина, в розговоре, что был он, Степан, в Новегороде приказан у опальные рухляды Михайла Татищева з диаком с Ываном Тимофеевым, и после де его диак Иван Тимофеев с отцем своим духовным с софейским протопопом с Амосом укрыли ис тое Михайловы Татищева рухлядей божья милосердыя два образа, образ Спасов да образ Николы чудотворца, обложены золотом, и за то де на них по сыску велено доправить пенные денги. Да и про записку (про приговор) де ему, Пятому, Степан сказал <...> и про те де образы ведает по той Степановой скаске (!).*

Тимофееву в последний раз пришлось оправдываться в суде, передавши суть давно закрытого дела с «неописанными» иконами. Именно тут и выплыло имя действующего новгородского воеводы кн. И. М. Одоевского-Большого, в результате чего свидетелем пришлось выступать самому председателю судебного слушания: *а боярин и воевода Иван Никитич Большой Одоевской, выслушав Пятого писма Григорьева и его речей и Ивановых речей Тимофеева, говорил боярину рат-*

¹⁹ См.: Колманн Н. Ш. Соединенные честью. Государство и общество в России раннего Нового времени. М., 2001. С. 190–198.

ному воеводе Эверт Карлусовичю Горну: про которые де образы сказывает на Ивана Пятой, <...> и про те де он образы ведает подлинно, <...> а приговор де в пенных денгах писан был до сыску, до которых мест те образы не сысканы, а писал его дьяк Семейка Самсонов. А как те образы у протопопа сыскали, и он де князь Иван Никитич тот приговор и подрал, потому что он, князь Иван Никитич, был о тех образех челобитчик. Сопредседатель Эверт Горн настоял, чтобы судебное решение по делу Амоса и Тимофеева было извлечено из печатной коробки, зачитано, переписано и подшито к делу, потому что ис той записки о всем объявилось в приговоре. Очевидно, для суда наиболее существенное значение имело то, что под приговором 1611 г. не стояла соответствующая пенитенциарная санкция (т. наз. приставная память); а государевы печати у приговору и у записки и <...> дьячих приписей нет; а памяти под запискою и под приговором никакие нет. Иными словами, дело было закрыто еще до судебного взыскания.

Впрочем, в запасе было еще одно обвинение – *воровство в государеве собалиной казне и в государевых казенных денгах на сумму без малого тысячи с полтрети*, то бишь без малого две с половиной тысячи рублей – сумма по тем временам более чем астрономическая!²⁰ Именно это дерзкое обвинение заставило Тимофеева положить край непрерывной волоките, наносящей удар по его служебному реноме, и подать в суд ответную челобитную, к которой дьяк приложил детальный список своего аудита. Приведенные в челобитной аргументы не только отсекали выдвинутые ранее обвинения, но и по сути проливали свет на причины разгоревшегося судебного конфликта. Надо сказать, что Тимофеев проявил в этой ситуации недюжинные адвокатские способности. В первую очередь он объяснил суду, откуда взялись упомянутые истцом *воровские статьи в государеве казне*, и убедительно показал, что в *прежних в приходных в больших книгах* налоги были отмечены в *розных статьях, колко в которой статье каких доходов взято*. Однако в 1607 г. воевода кн. Скопин-Шуйский по приезду в Новгород уполномочил местных приказных составить *на приход и на расход свои книги, и подьячей де Ждан Медведев зделав (новые) книги, <...>, забываясь сном, да в дву книгах одне денги двожды в приходе написал, а тот счетный список дал диаку Ивану Тимофееву. <...> И про то де он, Иван, в счете своем объявил, а не укрыв той статьи*.

На этой же ноте Тимофеев подал ответную челобитную, в которой обличались явные просчеты, допущенные за последние годы в Дворцовом приказе и выявленные ревизией 1613/14 г.: *жалоба, государь, мне по ноугородцкого диака дворцового на Пятово Григорьева. По приказу, государь, твоих, государевых, бояр и воевод <...> велено мне в Великом Новгороде считать в дьячих избах и в обеих приказах, в Боярской избе,*

²⁰ В публикациях Черепнина указывается «пол-3000 рублей» (Черепнин Л. В. 1) Новые материалы... С. 175; 2) Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 464). Ответчик в своей челобитной приводит точную сумму излишка: *опроче 2554-х рублей <...>, которые денги подьячей Ждан Медведев, забываясь сном, да в дву книгах <...> двожды в приходе написал* (Черепнин Л. В. Новые материалы... С. 176).

где бояре сидят, и Дворцовой приказ подъячих всех столов и денежных в приходех и в расходех по книгам за семь лет, со 115-го по 122-й год. И я, холоп твой, обеих приказов по книгам в колких столах подъячих поспел счесть по сию пору, только счел. И недочет твоей, государеве, казне в счетных списках объявил, и дьячьи и подъяческие наружные вины потому же объявлены, как твою государевую казною корыстовались, в книги и в списки денги и всякую казну в расход записывали. И ныне, государь, рняяся тому моему счету, дворцовый диак Пятой Григорьев, счетное дело хотя поставити (остановить), чтоб их вины не объявились, подал твоим, государевым, бояром на мене письмо бездельное, хотя тем свои премые вины замять, которые на них <...> у счету ныне сысканы. А написал, государь, Пятой в своем бездельном письме меня, холопа твоего, ведомым вором неведомо почему, без улик. А я, холоп твой, у прежних великих государей царей был во многих приказах на Москве у великих дел и zde в Новгороде, а воровства моего никакова нигде не бывало.

В представленном на рассмотрение суда списке собственного аудита Тимофеев указывал на разительное несоответствие доходов и расходов в Дворецком приказе, которое составляло значительно большую сумму, нежели ему самому инкриминировали: у Пятого у Григорьева перед приходом в расходе <...> объявилось лишка сверх приходу во Дворце двадцать семь рублей. В конце концов дьяк бил челом на имя королевича Карла-Филиппа предоставить ему управу на Пятого, чтобы он, Иван, от такова без вины на старость в позоре обезчестен не был. На этом, судя по всему, дело Тимофеева было закрыто, вернее, трансформировалось в следствие на предмет наружных вин в Дворцовом приказе и касалось исключительно Пятого Григорьева и «иже с ним».

* * *

Как видим из представленных выше сюжетов, опасения дьяка в Новгороде стоит признать небезосновательными. Автору Временника действительно было чего опасаться, причем, как он сам описывал, *не точию тех, иже град враждебно яко змиеве своими зубы держащих (то бишь оккупантов), сколько своих же – множество и своеверных, враждующих ми <...>, иже приседят о нас тайно в ловителях ко еллином <...>, всяко в добрых расколы творяху.*²¹ И хотя Тимофееву удалось с честью выпутаться из последнего судебного разбирательства, данный конфликт явно не принес бонусов его последующей приказной карьере в Новгороде. Выявленные во время следствия существенные «проколы» изрядно подорвали профессиональное реноме дьяка и негативно отразились на отношении к нему со стороны шведской администрации. Временник, писавшийся в основном именно в последние месяцы оккупации, отразил весьма бедственное положение автора не только в смысле политической легитимности, но и материальной обеспеченности. Судя по всему, Тимофеев лишился места в приказе и вынужден был подря-

²¹ Временник. Л. 219 об., 221 об.

даться на канцелярскую службу к Новгородскому митрополиту. Именно последний в ряде фрагментов Временника выступает как инициатор написания дьяком новгородской эпопеи.²²

По крайней мере, учитывая характер приказной службы, в лучшие времена своей карьеры дьяк вряд ли имел благоприятные условия для историко-мемуарной деятельности. Обычно этой интеллектуальной стихии посвящают себя после увольнения в отставку или же находясь в опале (вспомним хотя бы иного «патриарха» российской историографии, Василия Татищева). Так или иначе, но именно злоклучения дьяка в Новгороде дали толчок к осуществлению его *ташномыслимаго начертания*, собственно Временника – одного из выдающихся произведений российской историографии XVII столетия.

²² Временник. Л. 277–279.